

▲ ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

РАЙМОНД ПАУЛС:

«ВСЕ, ЧТО Я ДЕЛАЮ, СВЯЗАНО С МУЗЫКОЙ»

Если можно было бы в рамках одного интервью рассказать обо всем, что увидела в доме Паулса, сказала бы о листах нотной бумаги, лежащих всюду: на столе, диване, фортепиано, креслах. О картинах на стенах и замечательных старинных вазах, которые создают совершенно особое настроение. О том, что, садясь за инструмент, хозяин дома перестает видеть и слышать окружающее.

Я могла бы продолжить и сказать о высоком мире его музыки. И продолжила бы, если не боялась бы заговорить высокопарными фразами, которые неприемлемы к этому человеку. Музыканту и композитору, лауреату Государственной премии Латвии, народному артисту республики Раймонду Вольдемаровичу ПАУЛСУ.

— Во многих своих выступлениях вы неоднократно говорили о поисках исполнителей эстрадных песен. От чего вы снова возвращаетесь к этой теме?

— Да потому, что это жизненно важный вопрос для нас, композиторов. Ведь в конечном счете от исполнителя будет зависеть результат всей работы. Сумеет ли он понять песню, донести до зрителя замысел автора? Это очень важно.

Каждая песня требует своего исполнителя. Не может одинаково хорошо исполнять разноплановые песни один певец. И не потому, что неталантлив. Нет. Просто один исполнитель — драматического плана, другой — лирического.

Недавно у нас находились несколько композиторов из Франции. Они рассказывали, как долго приходится искать им исполнителя для новой песни. И если он найден верно, то и песня зазвучит выразительно. Я полностью разделяю это мнение.

Эстрада любит новые лица. Это также один из факторов, требующих постоянных поисков. А у нас обидно мало специальных музыкальных конкурсов. Давайте перечислим. «С песней по жизни»... Что еще? Я лично не могу вспомнить более. А такие конкурсы необходимы. Где, как не там, мы можем находить и отбирать наиболее талантливую молодежь.

Да, наш главный и большой вопрос — вокалисты. Эстрада — сравнительно бедный жанр. Волна одинаковой, заштампованной продукции захлестывает ее. Конечно, можно приглашать слушателей на инструментальные концерты. Но это не выход. Публика всегда будет ломиться на концерты солистов, желая видеть на сцене думающую, самостоятельную личность, отдающую свои силы, эмоции, здоровье песне. Таких певцов очень мало.

Навряд ли я назову хотя бы пять имен действительно интересных солистов. Таких, которые по прошествии многих лет оставили бы след в искусстве, как, например, Бернес или Утесов.

— И все же, чьи имена будут в этом коротком списке исполнителей?

— У певицы, имя которой я назову, одинаковое количество поклонников и противников. Ее можно любить или не любить, но отрицать, что Алла Пугачева — это личность на сцене,

невозможно. В каждую песню она вкладывает столько своего «я», столько эмоций, что трудно не уважать ее за это.

Но я повторяю, несмотря на сказанное, она очень спорная певица. А вот, чтобы назвать еще, нужно думать.

— Скажите, Раймонд, существует ли какая-то определенная тема в музыке, которой вы отдаете предпочтение?

— Нет. Главное, чтобы подучилась мелодия.

В настоящее время я работаю над сольной программой с хором мальчиков. Очень хочется ее сделать. Работа с маленькими певцами доставляет столько удовольствия. Знаете, они чудесно поют: полностью отдаются музыке, чистые, звонкие голоса. И никакой усилительной аппаратуры. Удивительно хорошо.

— В какой семье вы родились? Имел ли кто-нибудь из родных отношение к музыке?

— Музыкантов в нашей семье не было. Но отец всегда хотел, чтобы я играл. И я поступил в Рижскую консерваторию, закончил ее по классу фортепиано. Предлагали остаться в аспирантуре. Но все сложилось иначе.

Кстати, моя родная сестра имеет гораздо больше наград, чем я, в том числе и международных. Правда, трудимся мы в разных отраслях, если можно так выразиться. (Смеется). У нее довольно редкая профессия — мастер по гобеленам.

— Мнение друзей, близких о вашем творчестве... Оно помогает вам в работе?

— Я стараюсь не советовать по этому поводу. Никогда невозможно предугадать успех или неуспех новой работы. Это становится ясно через некоторое время после выхода ее на публику. Иногда случаются совершенно неожиданные вещи. Разве, например, могла предполагать Пугачева, уезжая в Болгарию, что выступление там перевернет ее жизнь?

Я же никогда не ожидал, что песня «Листья желтые» приобретет удивительную популярность и у нас в Латвии и за ее пределами.

Если вы заметили, то я никогда в своих выступлениях не берусь оценивать творчество других композиторов. Все подобные мнения субъективны. Некоторые, например, считают, что я слишком увлекаюсь лирической музыкой. Ну и что? Если это близко мне сейчас, то почему я должен писать что-то иное?

— Вы долгое время руководили ансамблем «Модо». Что послужило причиной для ухода из сложившегося популярного коллектива?

— Однозначно не ответить. Во-первых, не нужно забывать о возрасте, мне 45 лет. Ездить с гастролями по республике, по стране довольно нелегко. Хорошо жить на колесах, когда тебе 20—30 лет, когда полон энергии, и она требует выхода.

«Модо» был для меня своеобразной лабораторией. Но пришло время искать что-то новое. И я ушел.

— Вас часто называют композитором, пишущим для молодых...

— Я никогда не ставил перед собой такой цели.

— Вам никогда не хотелось попробовать свои силы в другом жанре? В классической музыке, например?

— Видите ли, в этом жанре достаточно прекрасных композиторов. К тому же я не испытываю ни потребности, ни желания пробовать силы в нем.

Мое дело очень нравится мне. Оно действительно мое. Ему я отдаю свое время, здоровье, силы.

— Андрей Вознесенский — поэт, стихи которого нелегко «ложатся» на музыку. Чем привлекает вас работа с ним?

— Подчас в песне нет сюжета. Так, легкий мотивчик о весне, о встречах... Словом, ни о чем. Я — за песню содержательную. Именно поэтому меня привлекают стихи Вознесенского. Как правило, они наполнены смыслом глубоким, эмоциональностью, имеют сюжет.

— Вы написали музыку к более чем 30 кинофильмам. Работа композитора в кино начинается обычно, когда фильм полностью снят и смонтирован. Времени мало, потому для кино надо уметь писать быстро. А это, как правило, связано с определенными сложностями...

— О трудностях работы в кино говорить не принято, зритель видит окончательный вариант, и иногда даже не отдает себе отчета, что его впечатление зависит от целого ряда компонентов. Музыка — один из них.

Когда я пишу музыку для кино, для меня важно все: сценарий и концепция режиссера, игра актеров, эпоха, в которую погружает нас фильм, и манера, в которой он снят, и то, как одеты персонажи.

Когда приступаешь к работе в кино, еще не знаешь, какая музыка войдет в фильм. Помимо специальных мелодий, необходимых для развития сюжета, в фильме часто звучит так называемая «фондовая», иллюстративная музыка. Нужна ли она? Этого заранее никто знать не может. В процессе работы, путем совместных экспериментов композитора и режиссера рождается музыка к фильму, которую определяет в конечном счете их вкус.

Кроме специально музыкальных картин в фильме, на мой взгляд, должно быть не много музыки. Одна небольшая музыкальная тема, яркий, образный мелодический оборот-лейтмотив может дать психологическому настрою зрителя больше, чем обилие музыки, которую порой не замечаешь.

Но, несмотря на трудности, связанные с работой в кино, она меня увлекает, а когда вижу результаты своего труда, когда вместе с экраным изображением звучит музыка, то испытываю большое удовольствие. Да и сама музыка с экрана воспринимается совершенно иначе, нежели на диске или в концертном зале.

— Оставляет ли работа время для других занятий?

— Знаете, я очень глубоко вошел в это дело, и если уйду из него, наверное, не смогу жить.

Все, что я делаю, связано с музыкой.

Интервью взяла
Г. ФОМАИДИ.
Рига — Ташкент.